

Наши в городе

Арто и Гитлер на московской сцене

Таракан, таракан, таракан-а-анище.

Фото Петра Кассина (НГ-фото)

Антон Красовский

На сцене Центра Мейерхольда стоит зловещий ящик – то ли радиорубка, то ли палата душевнобольного. Огромное окно в зал, белые пенопластовые стены, жирный фукс, стол со смешным старинным микрофоном.

Человек. Он в этом ящике. Один. На его лице гримаса – интерес – как у мартышки в зоопарке. Вдруг выражение начинается стихийно меняться: появляются испуг, злость, безразличие, снова испуг. Судорожно высовывается язык, мельтешат глаза, дрожат шейные сухожилия. Все это сопровождается диким, невыносимым криком. По-немецки, с визжащей гортанью, слюной, хохотом. Человек этот – Мартин Вуттке – фээргэшный артист, солист и бывший худрук знаменитого «Берлинер Ансамбль», премиант

Гамбурга и любимец Роберта Уилсона. Тут играет Антонена Арто, пригласившего на свидание Гитлера.

1932 год, «Романское кафе», Берлин, розы в цвету, душистость всякая. Шикльгрубер, конечно, не приходит, и Арто по привычке начинает треп с самим собой. За себя и за того парня. Собственно, треп этот и есть весь спектакль. Да, конечно, он выдержан в манере самого Арто, соответствует его теории театра жестокости, появившейся как раз в 32-м, вытекает из идеи о театре-речи, театре-преступлении. Но, друзья мои, если бы вам эту речь дали прочитать, вы бы померли со скуки. Напоминает Мережковского в бессонные часы – две странички и в забвенье. Если бы не Вуттке – выдержать этот час было бы невозможно.

Но Вуттке есть, и его существо, его существование все спасает. Он кривляется вдохновенно и искренне, поет песенки Дали-

ды захватывающе и смешно, падает наземь так больно, словно хочет обернуться ясным соколом. Его пальцы – в гитлеровском ораторском жесте – предельно сжимаются в суставах, сгущаясь к ладони, как сталактиты в заброшенной пещере. Его глаза рыщут по залу, будто зрачки леопарда в поисках сильной добычи, в надежде убить. Вуттке – мощный артист, таких мало в Европе, почти нет в России. Таков Константин Райкин – они с Вуттке даже чем-то похожи в манере игры. Этот Арто чем-то напоминает райкинского Грегора Замзу из «Превращения». Только Вуттке чужой и непонятный, его крик нуждается в переводе, а жест в интерпретации. В этом и беда, и спасение. Лицам, ничего не смыслящим в немецком, спектакль рекомендуется смотреть без наушника. Можно не понять смысл, но зато будет виден актер. Со всеми его сталактитами.